
3 1761 08821418 4

З. Н. ГИППІУСЪ

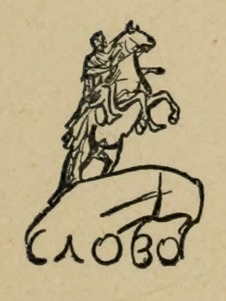
Hippius, Zinaida Nikolaevna

З. Н. ГИППІУСЪ

СТИХИ

Stikhi; dnevnik 1911-1921

ДНЕВНИКЪ 1911–1921

[Берлинъ]

1922

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО»

У ПОРОГА

У ПОРОГА

На сердцѣ непонятная тревога,
Предчувствій непонятныхъ бредъ.
Гляжу впередъ — и такъ темна дорога,
Что, можетъ быть, совсѣмъ дороги нѣтъ.

Но словомъ прикоснуться не умѣю
Къ живущему во мнѣ — и въ тишинѣ.
Я даже чувствовать его не смѣю:
Оно какъ сонъ. Оно какъ сонъ во снѣ.

О, непонятная моя тревога!
Она томительнѣй день ото дня.
И знаю: скорбь, что нынѣ у порога,
Вся эта скорбь — не только для меня!

1913г., С. Петербургъ

ОТРЫВОЧНОЕ

Красная лампа горитъ на столѣ,
А вокругъ, вездѣ — стѣны тьмы.
Я не хочу жить на землѣ,
Если нельзя уйти изъ тюрьмы.

Красная лампа на кругломъ столѣ.
Никто не хочетъ тьму пройти.
А если весь міръ лежитъ во злѣ —
То надо міръ спасти.

Красная лампа на кругломъ столѣ...
Сердце твердитъ: не то! не то!
Сердце горитъ — и гаснетъ во мглѣ:
На встрѣчу ему нейдетъ никто.

Лѣто, 05 г., СПБ

А ПОТОМЪ...?

Ангелы со мной не говорятъ.
Любятъ осіянныя селенья,
Кротость любятъ и печать смиренья.
Я же не смирененъ и не святъ:

Ангелы со мной не говорятъ.

Темненькій приходитъ духъ земли.
Лакомый и большеглазый, скромный.
Чтожъ такое, что малютка — темный?
Сами мы не далеко ушли...

Робко приползаетъ духъ земли.

Спрашиваю я про смертный часъ.
Мой младенецъ, хоть и скроменъ — вѣщій.
Знаетъ многое про эти вещи.
Что, скажи-ка, слышалъ ты о насъ?

Что это такое — смертный часъ?

Темный ѣстъ усердно леденецъ.
Шепчетъ весело: „и всѣ, вѣдь, жили.
Смертный часъ пришелъ — и раздавили.
Взяли, раздавили — и конецъ.

Дай-ка мнѣ четвертый леденецъ.

,,Ты рожденъ дорожнымъ червякомъ.
На дорожкѣ долго не оставятъ,
Ползай, ползай, а потомъ раздавятъ.
Каждый, въ смертный часъ, подъ сапогомъ,

Лопнетъ на дорожкѣ червякомъ.

,,Разные бываютъ сапоги.
Давятъ, впрочемъ, всѣ они похоже.
И съ тобою, милый, будетъ то-же.
Чьей нибудь отвѣдаешь ноги...

Разные на свѣтѣ сапоги.

,,Камень, ножъ, иль пуля, все — сапогъ.
Кровью-ль сердце хрупкое зальется,
Болью ли дыханіе сожмется,
Петлей-ли раздавитъ позвонокъ —

Иль не все равно, какой сапогъ?"

Тихо понялъ я про смертный часъ.
Я ласкаю гостя, какъ родного,
Угощаю и пытаю снова:
Вижу, много знаете о насъ!

Понялъ, понялъ я про смертный часъ.

Но когда раздавятъ — что потомъ?
Что, скажи? Возьми еще леденчикъ,
Кушай, кушай, мертвенькій младенчикъ!
Нѐ взялъ онъ. И поглядѣлъ бочкомъ:

,,Лучше не скажу я, что — потомъ."

Январь, 11 г., Каннъ

НЕ БУДЕМЪ КАКЪ СОЛНЦЕ

Ропшину

О нѣтъ. Не въ падающій часъ закатный,
Когда, блѣднѣя, стынутъ цвѣты дня,
Я жду прозрѣній силы благодатной...

Востокъ — въ сіяньи крови и огня:
Горѣло, рдѣло алое кадило,
Предвѣстный вѣтеръ вѣялъ на меня,

И я глядѣлъ, какъ медленно всходило,
Багряной винностью окроплено,
Жестокое и жалкое свѣтило.

Во славѣ, въ пышности своей, оно,
Державное Величество природы,
Средь голубыхъ пустынь — всегда одно;

Влекутся соблазненные народы
И каждому завидуютъ лучу.
Безумные! Во власти — нѣтъ свободы,

Я солнечной пустыни не хочу, —
Въ ней рабье одиночество таится, —
А ты — свою посмѣй зажечь свѣчу,

Посмѣй роптать, но въ ропотѣ молиться,
Огонь земной свѣчи хранить, нести,
И, покоряя, — вольно покориться.

Умѣй быть вѣрнымъ вѣрному пути,
Умѣй склоняться у святыхъ подножій,
Свободно жизнь свободную пройти,

И слушать... И услышать голосъ Божій.

Январь, 11 г., Каннъ

НЕ СКАЗАНО

Тебя проведу я, никѣмъ незамѣченнаго...
Со мной ключи.
Я ждалъ на порогѣ, молчаніемъ встрѣченнаго...
И ты молчи.
Пусть сердце угрюмое, всѣми оставленное
Со мной молчитъ.
Я знаю, какое сомнѣнье расплавленное
Въ тебѣ горитъ.
Законы Господніе дерзко пытающему
Одинъ отвѣтъ:
Черту заповѣданную преступающему —
Возврата нѣтъ.
Но вотъ ужъ не другъ и не рабъ тебѣ преданный я —
Сообщникъ твой.
Придя — перешелъ ты черты заповѣданныя,
И я съ тобой.
Въ углу, надъ лампадою, Око сіяющее
Глядитъ, грозя.
Ужель тамъ одно, никогда не прощающее,
Одно — нельзя?
Нельзя: вѣдь душа неизцѣльно потерянная,
Умретъ въ крови.
И... надо! твердитъ глубина неизмѣренная
Моей Любви.

Пришелъ ты съ отчаяньемъ — и съ упованіями...
Тебя я ждалъ.
Мы оба овиты живыми молчаніями,
И сумракъ алъ.
Въ измѣнѣ обѣту, никѣмъ неразвязанному,
Предѣлъ скорбей.
И все таки сдѣлай по слову несказанному:
Иди. Убей.

Августъ, 11 г., СПБ

ПОЭТУ РОДИНЫ

А. Меньшову

Угодила я тебѣ травой,
зеленями, да кашками,
ширью моей луговой,
сердцами золотыми — ромашками.

Ты про нихъ слагаешь стихи,
ты любишь меня играющей...
Кто же раны мои да грѣхи
покроетъ любовью прощающей?

Нѣтъ, люби ядовитый туманъ,
что встаетъ съ болотца поганаго,
подзаборный сухой бурьянъ,
мужичка моего пьянаго...

А коль тутъ — презрѣнье и страхъ,
коли видишь меня красивою,
заблудись же въ моихъ лѣсахъ,
ожигайся моей крапивою!

Не открою тому лица,
кто красу мою ищетъ показную,
кто не принялъ меня до конца,
безобразную, грязную...

Августъ, 11 г., СПБ

МИНДАЛЬНЫЙ ЦВѢТОКЪ

О теплый, о розовобѣлый,
О горькій миндальный цвѣтокъ!
Зачѣмъ ты мой духъ онѣмѣлый
Проклятой надеждой ожегъ?

Надежда клятая — упорна,
Свиваются нити въ клубокъ...
О бѣлыя, хрупкія зерна,
О жадный миндальный цвѣтокъ!

Изъѣденный дымомъ и гарью,
Задавленный тѣмъ, что люблю, —
Ползу я дрожащею тварью,
Тянусь я къ нему — къ миндалю.

Качаясь, огни побѣжали,
Качаясь, свиваясь въ клубокъ...
О кали, ціанистый кали,
О бѣлый, проклятый цвѣтокъ!

Ноябрь, 11 г., СПБ

ЕГО ДОЧКА

Ее, красивую, блѣдную,
Ее, ласковую, гибкую,
Неясную, зыбкую,
Ея улыбку побѣдную,
Ея платье странное,
Сѣрое, туманное,
Любовницу мою —
Я ненавижу.
И ненависть таю.

Когда въ саду смеркается,
Желтѣе листья осенніе,
И свѣты измѣннѣе —
Она на качеляхъ качается...
Кольца стонутъ, ржавыя,
Складки вьются лукавыя...
Она чуть видна.
Я ее ненавижу:
Знаю, кто — она.

Уйду ли изъ паутины я?
Отъ сказокъ ея о жалости,
Отъ соблазновъ усталости...
Ноги у нея гусиныя,
Волосы тягучіе,
Прозрачные, линючіе
Какъ сѣверная ночь.
Я ее ненавижу:
Это — Дьявола дочь.

Засну я — бѣжитъ украдкою
Къ Отцу — старику, властителю,
Къ своему Учителю...
Отецъ ее любитъ, сладкую,
Любитъ ее, покорную,
Ласкаетъ лапой черною
И шлетъ назадъ, грозя.
Я ее ненавижу,
А безъ нея — нельзя.
Отъ нея не уйдешь...
Я ее ненавижу:
Ей имя — Ложь.

Ноябрь, 11 г., СПБ

ПРОТЯЖНАЯ ПѢСНЯ

Амаліи

Звени,
звени кольцо кандальное,
завейтесь въ цѣпи злые дни...
Тянись
мой путь въ изгнанье дальное,
гдѣ вихри блѣдные сплелись.

Въ полнѳчь,
когда уснутъ вожатые,
безшумно отползу я прочь.
Собью,
собью кольцо проклятое,
переломлю судьбу мою.

Прими,
прими, тайга жестокая,
меня, гонимаго людьми.
Сокрой,
укрой, ледяноокая,
морозной ризой, колкой мглой.

Бѣгутъ
пути, никѣмъ не слѣжены,
куда бѣгутъ? куда ведутъ?
Иди,
иди тайгой оснѣженной,
и будь что будетъ впереди.

Звѣзда,
звѣзда горитъ — та самая,
которую любилъ всегда.
Гори,
гори, межъ тучъ, звѣзда моя,
о вольной волѣ говори.

Поетъ
мнѣ вѣтеръ пѣсню смѣлую,
впередъ свободнаго зоветъ.
Метель,
метель свиваетъ бѣлую,
свиваетъ вѣчную постель —

Любви,
любви тоску незримую
о Смерть, о Мать, благослови.
Прильну,
склонюсь на грудь любимую
и, вольный, — вольно я усну.

Декабрь, 11 г., СПБ

КРЫЛАТОЕ

И. А. Бунину

Въ дыму зеленомъ ивы...
Камеліи — блѣдны.
Нежданно торопливы
Шаги чужой весны.

Томленье, воскресанье
Фіалковыхъ полей.
И бѣлое дыханье
Зацвѣтшихъ миндалей.

По зо̀рямъ — все краснѣе
Долинная рѣка,
Воздушнѣй Пиренеи,
Червоннѣй облака.

И, средь небесъ горящихъ,
Какъ золото желты —
Людей, въ зарю летящихъ,
Пѣвучіе кресты.

Февраль, 12 г., По

ПОСЛѢДНІЕ СНЫ

О сны моей послѣдней ночи,
О дымъ, о дымъ моихъ надеждъ!
Они слетѣлись ко мнѣ съ полночи,
Мерцая тлѣніемъ одеждъ.

Одинъ другимъ, скользя, смѣнялся,
И каждый былъ какъ тѣнь, какъ тѣнь . . .
А кто-то мудрый во мнѣ смѣялся,
Твердя: проснись! довольно! День.

Май, 12 г., Парижъ

ВОЗНЯ

Остовъ разложившейся собаки
Ходитъ вкругъ летящаго ядра.
Долго-ли терпѣть мнѣ эти знаки?
Кончится-ли подлая игра?

Все противно въ нихъ: соединенье,
И согласный, соразмѣрный ходъ,
И собаки тлѣющей крученье,
И ядра безсмысленный полетъ.

Если-бъ могъ собачій трупъ остаться,
Яркопламеннымъ столбомъ сгорѣть!
Если-бъ одному ядру умчаться,
Одному свободно умереть!

Но въ мірахъ надзвѣздныхъ нѣтъ событій,
Все летитъ, летитъ безвольный комъ.
И крѣпки внѣвременныя нити:
Песій трупъ вертится за ядромъ.

Ноябрь, 12 г., СПБ

ЛЮБОВЬ — ОДНА

„...Не можетъ сердце жить измѣной:
Измѣны нѣтъ — любовь одна.“
1896 г.

Душѣ, единостью чудесной,
Любовь единая дана.
Такъ въ послѣгрозности небесной
Цвѣтная полоса — одна.

Но семь цвѣтовъ семью огнями
Горятъ въ одной. Любовь одна,
Одна до вѣка, и не нами
Ей семицвѣтность суждена.

Въ ней фіолетовость, и алость,
Въ ней кровь и золото вина,
То изумрудность, то опалость...
И семь сіяній — и одна.

Не все-ль равно, кого отмѣтитъ,
Кого пронижетъ лучъ до дна,
Чье сердце мечъ прозрачный встрѣтитъ,
Чья отзовется глубина?

Нераздѣлимая нетлѣнна,
Неуловимая ясна,
Непобѣдимо-неизмѣнна
Живетъ любовь, — всегда одна.

Переливается, мерцаетъ,
Она всецвѣтна — и одна.
Ее хранитъ, ее вѣнчаетъ
Святымъ единствомъ — бѣлизна.

Ноябрь, 12 г., СПБ

ПСАЛМОПѢВЦУ

Вл. Бестужеву

О тайнахъ подземныхъ и звѣздныхъ
Поешь ты въ пустынной тиши.
О вѣчныхъ стихіяхъ и безднахъ
Своей одинокой души.

Но своды небесные низки,
Полны голубой простоты,
А люди такъ жалобно близки,
И такъ же одни, какъ и ты.

Уйдешь? Но не пить мы не смѣемъ
Святого земного вина.
Уйдешь — но смѣющимся змѣемъ
Ползетъ за тобою вина.

Не ты-ль виноватъ, что голодный
Погибъ у забора щенокъ?
Что гдѣ-то, зарею холодной,
Подъ петлей хруститъ позвонокъ?

Не ты ли зажегъ крѣпостную
Надъ бѣлой рѣкою иглу?
Не ты ли сгущаешь земную,
Сѣдую, полынную мглу?

Твоей человѣческой волѣ
Одной — не отвѣтитъ Господь.
Ты ждешь и поешь — но Его ли,
Пріявшаго бѣдную плоть?

Не въ звѣздныхъ пространствахъ — Онъ ближе,
Онъ въ прахѣ, въ пыли и въ крови.
Склонись, чтобы встрѣтилъ Онъ, ниже,
Склонись до земли — до любви.

Декабрь, 12 г., СПБ

СЛОВА ЛЮБВИ

Любовь, любовь... О, даже не ее —
Слова любви любилъ я неуклонно.
Иное въ нихъ я чуялъ бытіе,
Оно неуловимо и бездонно.

Слова любви горятъ на всѣхъ путяхъ,
На всѣхъ путяхъ — и горныхъ и долинныхъ.
Нежданныя въ накрашенныхъ устахъ,
Неловкія въ устахъ еще невинныхъ,

Разнообразныя, одни всегда,
И вѣрныя нездѣшней лжи неложной,
Сливающія наши „нѣтъ“ и „да“
Въ одинъ союзъ, безумно-невозможный —

О, все равно предъ кѣмъ, и для чего,
И кто, горящія, васъ произноситъ!
Алмазъ всегда алмазъ, хотя его
Порою самый недостойный носитъ.

Живутъ слова, пока душа жива.
Они смѣшны — они необычайны.
И я любилъ, люблю любви слова,
Пророческой овѣянныя тайной.

Декабрь, 12 г., СПБ

БЕРЕГИСЬ...

Не разлучайся, пока ты живъ,
Ни ради горя, ни для игры.
Любовь не стерпитъ, не отомстивъ,
Любовь отниметъ свои дары.

Не разлучайся, пока живешь,
Храни ревниво завѣтный кругъ.
Въ разлукѣ вольной таится ложь.
Любовь не любитъ земныхъ разлукъ,

Печально гаситъ свои огни,
Подъ паутиной пустые дни,

А въ паутинѣ — сидитъ паукъ.
Живые, бойтесь земныхъ разлукъ!

Январь, 13 г., СПБ

СѢРОЕ ПЛАТЬИЦЕ

Дѣвочка въ сѣромъ платьицѣ...

Косы какъ будто изъ ваты...
Дѣвочка, дѣвочка, чья-ты?

Мамина... Или ничья.
Хочешь — буду твоя.

Дѣвочка въ сѣромъ платьицѣ...

Вѣришь ли, дѣвочка, ласкѣ?
Милая, гдѣ твои глазки?

Вотъ они, глазки. Пустые.
У мамочки точно такіе.

Дѣвочка въ сѣромъ платьицѣ,

А чѣмъ это ты играешь?
Что отъ меня закрываешь?

Время-ль играть мнѣ, что ты?
Много спѣшной работы.

То у бусинокъ нить раскушу,
То первый ростокъ подсушу,
Вырѣзаю изъ книгъ странички,
Ломаю крылья у птички...

Дѣвочка въ сѣромъ платьицѣ,

Дѣвочка съ глазами пустыми,
Скажи мнѣ, какъ твое имя?

А по своему зоветъ меня всякъ:
Хочешь эдакъ, а хочешь такъ.

Одинъ зоветъ раздѣленьемъ,
А то враждою,
Зовутъ и сомнѣньемъ,
Или тоскою.

Иной зоветъ скукою,
Иной мукою...
А мама-Смерть — Разлукою,

Дѣвочку въ сѣромъ платьицѣ...

Январь, 13 г., СПБ

КОЛОДЦЫ

Слова, рожденныя страданьемъ,
Душѣ нужны, душѣ нужны.
Я не отдамъ себя молчаньямъ,
Слова какъ знаки намъ даны.

Но сторожитъ молчаній демонъ
Колодцы черные свои.
Иду — и знаю: страшенъ тѣмъ онъ,
Кто пилъ отъ горестной струи.

Слова въ душѣ — ножи и копья...
Но воплощенныя, въ устахъ —
Они какъ тающіе хлопья,
Какъ снѣжный дымъ, какъ дымный прахъ.

Ты летъ мгновенный ихъ не встрѣтилъ,
Безсильный зовъ не услыхалъ,
Едва рожденнымъ — не отвѣтилъ,
Дѣтей, дѣтей не удержалъ!

Молчанье хитрое смѣется:
Они мои, они во мнѣ,
Пускай умрутъ въ моемъ колодцѣ,
На самомъ днѣ, на самомъ днѣ...

О другъ послѣдній мой! Кому-же,
Кому сказать? Куда итти?
Пути все уже, уже, уже...
Смотри: кончаются пути.

Февраль, 13 г., СПБ

НАПРАСНО

Я и услышу, и пойму,
  А все таки молчи.
Будь вѣренъ сердцу своему,
  Храни его ключи.

Я пониманьемъ — оскорблю,
Не оттого, что не люблю,
А оттого, что скорбь — твоя,
А я не ты, и ты не я.

И пусть другой не перейдетъ
  Невидимый порогъ.
Душа раскрытая — умретъ,
  Какъ сорванный цвѣтокъ.

Мы два различныхъ бытія.
Мы зеркала — и ты, и я.
Я все возьму, и углублю,
Но, отражая, — преломлю.

Твоя душа... Не оттого-ль
  Даю такъ много ей,
Что все равно чужая боль
  Не можетъ быть моей?

Страдать достойнѣй одному.
Пусть я жалѣю и пойму —
Любви и жалости не вѣрь,
Не открывай святую дверь,
Храни, храни ея ключи,
И задыхайся — и молчи.

Февраль, 13 г., СПБ

ВСЕ МОЕ

И. А. Бунину

День вечеренъ, тихи склоны,
Блѣдность, хрупкость въ небесахъ,
И приземисты суслоны
На закошенныхъ поляхъ.

Ближній лѣсъ узорно вышитъ
Первой ниткой золотой,
И притайный, — тайной дышитъ,
Темной свѣжестью грибной.

Въ бѣлоперистомъ туманѣ,
Зыбко взрѣявшемъ, сыромъ,
Грезятъ сизыя елани
Объ осеннемъ, о ночномъ.

Чуть звенитъ по глади росной
Чья-то пѣсня, чей-то крикъ...
Подъ горой, на двуколесной
Ѣдетъ пьяненькій мужикъ.

Надъ разлапистой сосною
Раскричалось воронье.
Все мнѣ близко. Все родное.
Все мнѣ нужно. Все мое.

Октябрь, 13 г., СПБ

L'IMPRÉVISIBILITÉ

По слову извѣчно Сущаго,
Безсмѣненъ потокъ временъ,
  Чую лишь вѣтеръ грядущаго,
  Новаго мига звонъ.

Съ паденьемъ идетъ, съ побѣдою?
Оливу несетъ иль мечъ?
  Лика его я не вѣдаю,
  Знаю лишь вѣтеръ встрѣчъ.

Летятъ нездѣшними птицами,
Въ кольцо бытія, впередъ,
  Миги съ закрытыми лицами,
  Какъ удержу ихъ летъ?

И въ тѣсности, въ перекрестности,
Хочу, не хочу ли я —
  Черную топь неизвѣстности
  Рѣжетъ моя ладья.

1 Января, 14 г., СПБ

БАНАЛЬНОСТЯМЪ

Не покидаю острой кручи я,
Гранитъ сверкающій дроблю.
Но васъ, о старыя созвучія,
Неизмѣняемо люблю.

Люблю сады съ оградой тонкою,
Гдѣ роза съ грезой, сны весны
И тѣнь съ сиренью — перепонкою
Какъ близнецы сопряжены.

Влечется нѣжность за безбрежностью,
Все риѳмы-дѣвы, — мало женъ...
О какъ ихъ трогательной смежностью
Мой духъ стальной обвороженъ!

Васъ гонятъ... Словно дѣти малыя
Дрожатъ мечта и красота...
Цѣлую ноги ихъ усталыя,
Цѣлую старыя уста.

Создатели домовъ лучиночныхъ,
Пустыхъ, гороховыхъ домовъ,
Искатели сокровищъ рыночныхъ —
Одни боятся вѣчныхъ словъ.

Я — не боюсь. На кручу сыпкую
Возьму ихъ въ каменный пріютъ.
Прилажу зыбкую имъ зыбку я...
Пусть отдохнутъ! Пусть отдохнутъ!

Январь, 14 г., СПБ

ПЕРЕМѢННО

Какой сегодня пятнистый день:
То оживляю дугу блестящую,
То вижу солнца слѣпого тѣнь
По ширмамъ рдяной иглой скользящую.

Какой на сердцѣ безстыдный страхъ!
Какія мысли во мнѣ безумятся!
И тьмы и свѣты въ моихъ стѣнахъ.
Автомобили поютъ на улицѣ.

Невѣрно солнце и лжетъ дождемъ.
Но дождь январьскій еще невѣрнѣе.
Морозъ ударитъ, какъ кистенемъ.
Въ кристаллы мглѣнье сожметъ вечернее.

А я не выйду, — куда во мгу
Пойду по льду я, въ туманы талые?
Тамъ жгутъ, колдуя, во льду, въ снѣгу,
На перекресткахъ жаровни алыя.

Январь, 14 г., СПБ

ВОИНА

ТИШЕ!

„Громки будутъ великія дѣла“.
Сологубъ, 7. 8. 14 г.

Поэты, не пишите слишкомъ рано,
Побѣда еще въ рукѣ Господней.
Сегодня еще дымятся раны,
Никакія слова ненужны сегодня.

Въ часы неоправданнаго страданья,
И нерѣшенной битвы,
Нужно цѣломудріе молчанья
И, можетъ быть, тихія молитвы.

8 Августа, 14 г., СПБ

АДОНАИ

Твои народы вопіютъ: доколь?
Твои народы съ сѣвера и юга.
Иль ты еще не утоленъ? Позволь
Сынамъ земли не убивать другъ друга.

Не ты-ль разбилъ скрижальныя слова,
Готовя землю для иного сѣва?
И вотъ опять, опять ты — Іегова,
Кровавый Богъ отмщенія и гнѣва!

Ты розлилъ дымъ и пламя по морямъ,
Водою алою одѣлъ ты сушу.
Ты губишь плоть... Но, Боже, матерямъ —
Твое оружіе проходитъ душу!

Ужели не довольно было Той,
Что подъ крестомъ тогда стояла, рано?
Нѣтъ, не для насъ, но для Нея, Одной,
Желѣзо вынь изъ материнской раны!

О, прикоснись къ дымнобагровой мглѣ
Не древнею грозою, — а Любовью.
Отецъ, Отецъ! Склонись къ Твоей землѣ:
Она пропитана Сыновней кровью!

Ноябрь, 14 г., СПБ

ОТДЫХЪ

Слова — какъ пѣна,
Невозвратимы и ничтожны.
Слова — измѣна,
Когда молитвы невозможны.

Пусть длится дленье.
Не я безмолвіе нарушу.
Но исцѣленье
Сойдетъ-ли въ замкнутую душу?

Я знаю, надо
Сейчасъ молчанью покориться.
Но въ томъ отрада,
Что дленіе не вѣчно длится.

Ноябрь, 14 г., СПБ

„ПЕТРОГРАДЪ“

В. Н. Аргутинскому

Кто посягнулъ на дѣтище Петрово?
Кто совершенное дѣянье рукъ
Смѣлъ оскорбить, отнявъ хотя бы слово,
Смѣлъ измѣнить хотя-бъ единый звукъ?

Не мы, не мы... Растерянная челядь,
Что, властвуя, сама боится насъ!
Все мечутся, да чьи-то ризы дѣлятъ,
И все дрожатъ за свой послѣднiй часъ.

Измѣнникамъ измѣны не позорны.
Придетъ отмщенiю своя пора...
Но стыдно тѣмъ, кто, весело-покорны,
Съ предателями предали Петра.

Чему бездарное въ васъ сердце радо?
Славянщинѣ убогой? Иль тому,
Что къ „Петрограду“ риѳмъ гулящихъ стадо
Крикливо льнетъ, какъ будто къ своему?

Но близокъ день — и возгремятъ перуны...
На помощь, Мѣдный Вождь, скорѣй, скорѣй!
Возстанетъ онъ, все тотъ-же, блѣдный, юный,
Все тотъ-же — въ ризѣ дѣвственныхъ ночей,

Во влажномъ визгѣ вѣтренныхъ раздолій
И въ бѣлоперистости вешнихъ пургъ,
Созданье революціонной воли —
Прекрасно-страшный Петербургъ!

14 Декабря, 14 г., СПБ

ВСЕ ОНА

Мѣдный грохотъ, дымный порохъ,
Рыжелипкія струи,
Тѣлъ ползущихъ влажный шорохъ...
Гдѣ чужіе? гдѣ свои?

Нѣтъ напрасныхъ ожиданій,
Недостигнутыхъ побѣдъ,
Но и сбывшихся мечтаній,
Одолѣній — тоже нѣтъ.

Всѣ едины, все едино,
Мы-ль, они-ли... смерть — одна.
И работаетъ машина,
И жуетъ, жуетъ война...

Декабрь, 14 г.

ЧЕРНЕНЬКОМУ

Н. Г.

Радостно люблю я тварное
Святой любовью, въ Богѣ.
По любви восходитъ тварное
Наверхъ, какъ по свѣтлой дорогѣ.

Темноту, слѣпоту, любовію
Вкругъ тварнаго я разрушу.
Тварному даетъ любовь моя
  Безсмертную душу.

Декабрь, 14 г., СПБ

НАШЕ РОЖДЕСТВО

Вмѣсто елочной, восковой свѣчи,
бродятъ бѣлые прожекторовъ лучи,
сверкаютъ сизые стальные мечи,
вмѣсто елочной, восковой свѣчи.

Вмѣсто ангельскаго обѣщанья
пропеллера вражьяго жужжанье,
подземное страданье ожиданья
вмѣсто ангельскаго обѣщанья.

Но вихрямъ, огню и мечу
покориться навсегда не могу.
Я храню восковую свѣчу,
я снова ее зажгу,

и буду молиться снова:
родись, Предвѣчное Слово!
Затепли тишину земную.
Обними землю родную...

Декабрь, 14 г., СПБ

НЕИЗВѢСТНАЯ

Что мнѣ дѣлать со смертью — не знаю.
А вы, другіе, — знаете? знаете?
Только скрываете, тоже не знаете.
Я-же незнанья моего не скрываю.

Какъ ни живи — жизнь не отвѣтитъ.
Развѣ жизнью смерть побѣждается?
Сказано — смертью смерть побѣждается.
Значитъ, на всѣхъ путяхъ она встрѣтитъ.

А я ее всякую — ненавижу.
Только свою люблю, неизвѣстную.
За то и люблю, что она неизвѣстная,
Что умру — и очей ея не увижу.

Февраль, 15 г., СПБ

ЗЕЛЕНЫЙ ЦВѢТОКЪ

Зеленолистому цвѣтку привѣтъ!
Идемъ къ Зеленому дорогой красною,
Но зеленъ зорь весеннихъ тихій цвѣтъ,
И мы овѣяны надеждой ясною.

Пускай онъ спитъ, закрытъ — но онъ живетъ!
Въ Страстно́мъ томленіи земля весенняя...
Возстань, земля моя! И расцвѣтетъ
Зеленопламенный въ день воскресенія!

Мартъ, 15 г., СПБ

МОЛОДОЕ ЗНАМЯ

Развейся, развейся летучее знамя!
По вѣтру вскрыли, троецвѣтное!
Вставайте, живые, идите за нами!
Приблизилось время отвѣтное.

Три поля на знамени нашемъ, три поля:
Зеленое — Бѣлое — Алое.
Да здравствуютъ молодость, правда и воля!
Впередъ! Насъ зоветъ Небывалое.

Мартъ, 15 г., СПБ

НЕРАЗНИМЧАТО

Въ нашемъ Прежде — зыбко-дымчато,
А въ Теперь — и мглы, и тьмы.
Но срослись мы неразнимчато —
Вѣритъ Богъ! И вѣримъ мы.

Мартъ, 15 г., СПБ

ЕМУ

З. Р.

Радостные, бѣлые, бѣлые цвѣты...
Сердце наше, Господи, сердце знаешь Ты.

Въ сердце наше бѣдное, въ сердце загляни...
Близкихъ нашихъ, Господи, близкихъ сохрани!

Мартъ, 15 г., СПБ

ОНЪ

Онъ принялъ скорбь земной дороги,
Онъ первый, Онъ одинъ.
Склонясь, умылъ усталымъ ноги
Слуга — и Господинъ.

Онъ съ нами плакалъ, Повелитель
И суши, и морей.
Онъ царь и братъ намъ, и Учитель,
И Онъ — еврей.

Май, 15 г., СПБ

„СВОБОДНЫЙ СТИХЪ“

Молодымъ поэтамъ

Приманной легкостью играя,
Зоветъ, влечетъ свободный стихъ.
И соблазнилъ онъ, соблазняя,
Лѣнивыхъ, малыхъ и простыхъ.

Сулитъ онъ быстрые отвѣты
И достиженья безъ борьбы.
За мной! За мной! И вотъ, поэты —
Стиха свободнаго рабы.

Они слѣдятъ его извивы,
Сухую ломкость, скрипъ угловъ,
Узоръ пятнисто-похотливый
Икающихъ и пьяныхъ словъ...

Немало словъ съ подоломъ грязнымъ
Войти боялись... А теперь
Какимъ ручьемъ однообразнымъ
Втекаютъ въ сломанную дверь!

Втекли, вшумѣли и впылились...
Гогочетъ уличная рать.
Что-жъ! Вы недаромъ покорились,
Рабы не смѣютъ выбирать.

Безъ утра пробилъ часъ вечерній,
И гаснетъ сѣрая заря...
Вы отданы на посмѣхъ черни
Коварной волею царя!

*

А мнѣ — лукавый стихъ угоденъ.
Мы съ нимъ веселые друзья.
Живи, свободный! Ты свободенъ —
Пока на то изволю я.

Пока хочу — играй, свивайся
Среди ухабовъ и низинъ.
Звени, тянись и спотыкайся,
Но помни: я твой властелинъ.

И чуть запроситъ сердце тайны,
Напѣвныхъ риѳмъ и строгихъ словъ —
Ты въ хоръ вольешься неслучайный
Созвучно-длинныхъ, стройныхъ строфъ.

Многоголосы, тугозвонны
Онѣ полетны и чисты —
Какъ храма бѣлаго колонны,
Какъ неба снѣжнаго цвѣты.

Ноябрь, 15 г., СПБ

НЕ О ТОМЪ

(отвѣчавшимъ)

Два отвѣта: лиловый и зеленый,
два отвѣта, и они одинаковы;
быть можетъ и разны у насъ знамена,
быть можеть — своя дорога у всякаго,
и мы, страдая, идемъ, идемъ...
Вѣрю... Но стихъ-то мой не о томъ.

Стихъ мой — о волѣ и о власти.
Развѣ о боли? Развѣ о счастьи?

И кѣмъ измѣрено, и чѣмъ повѣрено
страданье каждаго на его пути?
Но каждому изъ насъ сокровище ввѣрено,
и велѣно ввѣренное — донести.

Зачѣмъ-же „бездомно скучая" ищемъ
на „мерзломъ болотѣ" вялыхъ вѣхъ,
гордимся, что слабы, и наги, и нищи?
Вѣдь „городъ прекрасный" — одинъ для всѣхъ.

И надо, — мы знаемъ, — навѣкъ-ли, на мигъ-ли,
надо, чтобъ города мы достигли.

Нищій придетъ къ бѣлымъ воротамъ
въ рубищѣ рабства, унылый, какъ прежде...
Что, если спросятъ его: кто тамъ?
Другъ, почему ты не въ брачной одеждѣ?

Мой стихъ не о счастьи, и не о боли:
только о власти, только о волѣ.

Ноябрь, 15 г., СПБ

СВѢТЪ!

Стоны,
Стоны,
Истомные, бездонные,
Долгіе, долгіе звоны
Похоронные,
Стоны,
Стоны...

Жалобы,
Жалобы на Отца...
Жалость язвящая, жаркая,
Жажда конца,
Жалобы,
Жалобы...

Узелъ туже, туже,
Путь все круче, круче,
Все уже, уже, уже,
Угрюмѣй тучи,
Ужасъ душу рушитъ,
Узелъ душитъ,
Узелъ туже, туже...

Господи, Господи — нѣтъ!
Вѣщее сердце вѣритъ.
Тихіе вѣтры вѣютъ.
Боже мой, нѣтъ!
Мы подъ крылами Твоими.
Ужасъ. И стоны. И тьма... —
а надъ ними
Твой немеркнущій Свѣтъ!

Декабрь, 15 г., СПБ

БѢЛОЕ

Рождество, праздникъ дѣтскій, бѣлый,
когда счастливы самые несчастные...
Господи! Наша-ли душа хотѣла,
Чтобы запылали зори красныя?

Ты взыщешь, Господи, но съ насъ-ли, съ насъ-ли?
Звѣзда Виѳлеемская за дымами алыми...
И мы не знаемъ, гдѣ Царскія ясли,
но все же идемъ ногами усталыми.

Миръ на землѣ, въ человѣкахъ благоволенье...
Боже, прими нашу мольбу несмѣлую:
дай землѣ Твоей умиренье,
дай побѣждающей одежду бѣлую...

Декабрь, 15 г., СПБ

БЕЗЪ ОПРАВДАНЬЯ

Нѣтъ, никогда не примирюсь.
Вѣрны мои проклятья.
Я не прощу, я не сорвусь
Въ желѣзныя объятья.

Какъ всѣ, живя, умру, убью,
Какъ всѣ — себя разрушу,
Но оправданіемъ — свою
Не запятнаю душу.

Въ послѣдній часъ, во тьмѣ, въ огнѣ,
Пусть сердце не забудетъ:
Нѣтъ оправданія войнѣ,
И никогда не будетъ.

И если это Божья длань —
Кровавая дорога, —
Мой духъ пойдетъ и съ нимъ на брань,
Возстанетъ и на Бога.

Апрѣль, 16 г., СПБ

СТРАШНОЕ

Страшно оттого, что не живется — спится...
И все двоится, все четверится.
Въ прошломъ грѣховъ такъ неистово много,
Что и оглянуться страшно на Бога.

Да и когда замолить мнѣ грѣхи мои?
Вѣдь я на послѣднемъ склонѣ круга...
А самое страшное, невыносимое, —
Это что никто не любитъ другъ друга...

Августъ, 16 г., СПБ

СЕНТЯБРЬ

Полотенца луннозеленыя
На бѣломъ окнѣ, на полу.
Но желта свѣча намолёная
Подъ верескомъ, тамъ, въ углу.

Протираю окно запотѣлое,
Въ двухъ свѣтахъ на бѣломъ пишу...
О зеленое, желтое, бѣлое!
Что выберу?...
Что рѣшу?...

Сентябрь, 16 г., СПБ

„ГОВОРИ О РАДОСТНОМЪ"

В. Злобину

Кричу — и крикъ звѣриный...
Суди меня Господь!
Межъ зубьями машины
Моя скрежещетъ плоть.

Свое — стерплю въ гордынѣ...
Но всѣ? Но если всѣ?
Терпѣть, что всѣ въ машинѣ?
Въ зубчатомъ колесѣ?

Ноябрь, 16 г., СПБ

СЕГОДНЯ НА ЗЕМЛѢ

Есть такое трудное,
Такое стыдное.
Почти невозможное —
Такое трудное:
Это поднять рѣсницы
И взглянуть въ лицо матери,
У которой убили сына.

Но не надо говорить объ этомъ.

20 Сентября, 16 г., СПБ

НЕПОПРАВИМО

Н. Ястребову

Невозвратимо. Непоправимо.
Не смоемъ водой. Огнемъ не выжжемъ.
Насъ затопталъ, — не проѣхалъ мимо!
Тяжелый всадникъ на конѣ рыжемъ.

Въ гущѣ вязнутъ его копыта,
Въ смертной вязи, нераздѣлимой...
Смято, втоптано, смѣшано, сбито —
Все. Навсегда. Непоправимо.

Октябрь, 16 г., СПБ

БОЖЬЯ

Милая, вѣрная, отъ вѣка Суженая,
  Чистый цвѣтокъ миндаля,
Божьимъ дыханьемъ къ любви разбуженная,
  Радость моя, — Земля!

Рощи лимонныя — и березовыя,
  Мѣсяца тихій кругъ,
Зори Сициліи, зори розовыя, —
  Пѣнье таёжныхъ вьюгъ,

Даль неохватная и неистовая,
  Сѣрыхъ болотъ туманъ, —
Корсика призрачная, аметистовая
  Вечеромъ, съ берега Каннъ,

Ласка нежданная, утоляющая
  Неутолимую боль,
Шелестъ, дыханіе, память страдающая,
  Слезъ непролитыхъ соль —

Всю я тебя люблю, Единственная,
  Вся ты моя, моя!
Вмѣстѣ воскреснемъ, за гранью таинственною,
  Вмѣстѣ, — и ты, и я!

Ноябрь, 16 г., СПБ

НА СЕРГІЕВСКОЙ

Окно мое надъ улицей низко,
  Низко и открыто настежъ.
Рудолипкіе торцы такъ близко
  Подъ окномъ, раскрытымъ настежъ.

На торцахъ — фонарные блики,
  На торцахъ все люди, люди...
И топотъ, и вой, и крики,
  И въ метаніи люди, люди...

Какъ торецъ ихъ одежды и лица.
  Они, живые и мертвые, — вмѣстѣ.
Это годы, это годы длится,
  Что живые и мертвые — вмѣстѣ!

Отъ нихъ окна не закрою.
  Я самъ, — живой или мертвый?
Все равно... Я съ ними вою,
  Все равно, живой или мертвый.

Нѣтъ вины, и никто — въ отвѣтѣ.
  Нѣтъ отвѣта для преисподней.
Мы думали, что живемъ на свѣтѣ...
  Но мы воемъ, воемъ — въ преисподней.

Декабрь, 16 г., СПБ

РЕВОЛЮЦІЯ

ЮНЫЙ МАРТЪ

„Allons, enfants de la patrie ...“

Пойдемъ на весеннія улицы,
Пойдемъ въ золотую метель.
Тамъ солнце со снѣгомъ цѣлуется
И льетъ огнерадостный хмѣль.

По вѣтру, подъ бѣлыми пчелами,
Взлетаетъ пылающій стягъ.
Цвѣти межъ домами веселыми
Нашъ гордый, нашъ мартовскій макъ!

Еще не изжито проклятіе,
Позоръ небывалой войны.
Дерзайте! Поможетъ намъ снять его
Свобода великой страны.

Пойдемъ въ испытанія встрѣчныя,
Пока не опущенъ нашъ мечъ.
Но свяжемся клятвой навѣчною
Весеннюю волю беречь!

8 Марта, 17 г., СПБ

ГИБЕЛЬ

С. И. Осовецкому

Близкѝ
кровавые зрачки,
дымящаяся пѣной пасть...
Погибнуть? Пасть?

Что̀ — мы?
Вотъ хрустъ костей... вотъ молнія сознанья
передъ чертою тьмы...
и — перехлестъ страданья...
Что̀ мы! Но — Ты?

Твой образъ гибнетъ... Гдѣ Ты?
Въ сіяніе одѣтый,
безсильно смотришь съ высоты?
Пускай мы тѣнь.

Но тѣнь отъ Твоего Лица!
Ты вдунулъ Духъ — и вынулъ?
Но мы придемъ въ послѣдній день,
мы спросимъ въ день конца, —
за что Ты насъ покинулъ?

Сентябрь, 17 г., СПБ

ПОЧЕМУ?

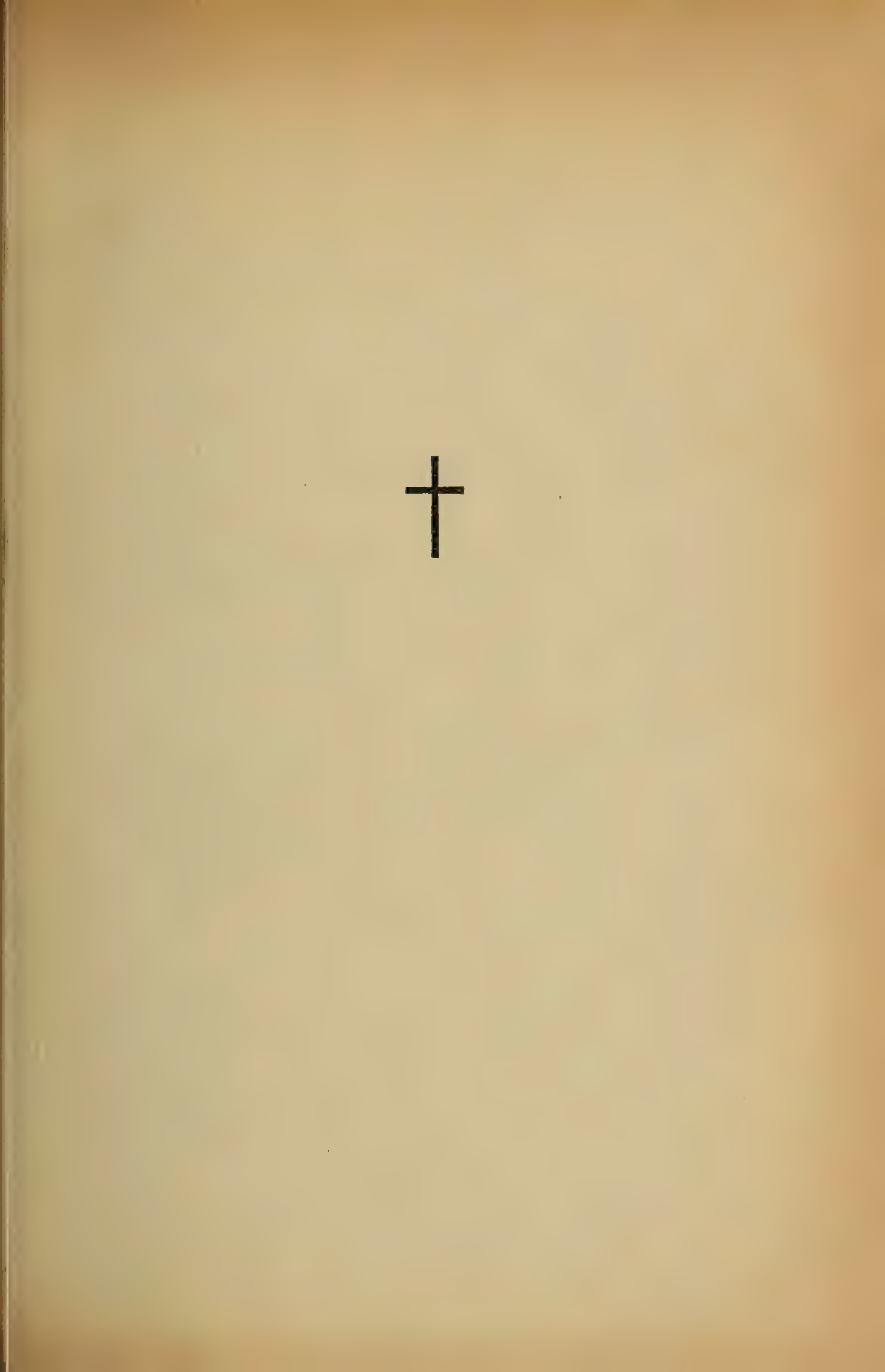
О Ирландія, океанная,
Мной невидѣнная, страна!
Почему ея зыбь туманная
Въ ясность здѣшняго вплетена?

Я не думалъ о ней, не думаю,
Я не знаю ея, не зналъ...
Почему такъ рѣжутъ тоску мою
Лезвія ея острыхъ скалъ?

Какъ я помню зори надпѣнныя?
Въ черной алости чаекъ стонъ?
Или памятью міра плѣнною
Прохожу я сквозь ткань временъ?

О Ирландія неизвѣстная!
О Россія, моя страна!
Не единая-ль мука крестная
Всей Господней землѣ дана?

Сентябрь, 17 г., СПБ

ТЛИ

Припавъ къ моему изголовью
ворчитъ, будто выстрѣлы, тишина,
запекшейся черной кровью
ночная дыра полна.

Мысли капаютъ, капаютъ скупо,
нѣтъ никакихъ людей...
Но не страшно. И только скука,
что кругомъ — все рыла тлей.

Тли по мартовскимъ алымъ зорямъ
прошли въ гвоздевыхъ сапогахъ.
Душа на ключѣ, на тяжкомъ запорѣ.
Отвратъ... тошнота... но не страхъ.

28 Октября, 17 г., Ночью

ВЕСЕЛЬЕ

Блевотина войны — октябрьское веселье!
Отъ этого зловоннаго вина
Какъ было омерзительно твое похмелье,
О бѣдная, о грѣшная страна!

Какому дьяволу, какому псу въ угоду,
Какимъ кошмарнымъ обуянный сномъ
Народъ, безумствуя, убилъ свою свободу
И даже не убилъ — засѣкъ кнутомъ?

Смѣются дьяволы и псы надъ рабьей свалкой,
Смѣются пушки, разѣвая рты...
И скоро въ старый хлѣвъ ты будешь загнанъ палкой,
Народъ, не уважающій святынь!

29 Октября, 17 г., СПБ

ЛИПНЕТЪ

„Новой Жизни“

Не спѣшите, подождите, соглашатели,
кровь влипчива, если застыла;
пусть сначала красная демократія
себѣ добудетъ немножко мыла...
Дѣтская-женская — особо въѣдчива,
вы потрите и подъ ногтями.
Соглашателямъ сѣсть опрометчиво
на Россію съ пятнистыми руками.
Нѣту мыла — достаньте хоть мѣсива,
чтобъ каждая рука напоминала лилею...
А то смотрите: какъ бы не повѣсили
мельничнаго жернова вамъ на шею!

30 Октября, 17 г., СПБ

СЕЙЧАСЪ

Какъ скользки улицы отвратныя,
Какая стыдь!
Какъ въ эти дни невѣроятные
Позорно — жить!

Лежимъ, заплеваны и связаны,
По всѣмъ угламъ.
Плевки матросскіе размазаны
У насъ по лбамъ.

Столпы, радѣтели, водители
Давно въ бѣгахъ.
И только вьются согласители
Въ своихъ Це-кахъ.

Мы стали псами подзаборными,
Не уползти!
Ужъ разобралъ руками черными
Викжель — пути...

9 Ноября, 17 г., СПБ

У. С.

Нашихъ дѣдовъ мечта невозможная,
Нашихъ героевъ жертва острожная,
Наша молитва устами несмѣлыми,
Наша надежда и воздыханіе, —
  Учредительное Собраніе, —
    Что мы съ нимъ сдѣлали...?

12 Ноября, 17 г., СПБ

14 ДЕКАБРЯ 17 ГОДА

Д. С. Мережковскому

Простятъ ли чистые герои?
Мы ихъ завѣтъ не сберегли.
Мы потеряли все святое:
И стыдъ души, и честь земли.

Мы были съ ними, были вмѣстѣ,
Когда надвинулась гроза.
Пришла Невѣста... И невѣстѣ
Солдатскій штыкъ проткнулъ глаза.

Мы утопили, съ визгомъ споря,
Ее въ чану Дворца, на днѣ,
Въ незабываемомъ позорѣ
И въ наворованномъ винѣ.

Ночная стая свищетъ, рыщетъ,
Ледъ по Невѣ кровавъ и пьянъ...
О, петля Николая чище,
Чѣмъ пальцы сѣрыхъ обезъянъ!

Рылѣевъ, Трубецкой, Голицынъ!
Вы далеко, въ странѣ иной...
Какъ вспыхнули бы ваши лица
Передъ оплеванной Невой!

И вотъ изъ рва, изъ терпкой муки,
Гдѣ по дну вьется рабій дымъ,
Дрожа, протягиваемъ руки
Мы къ вашимъ саванамъ святымъ.

Къ одеждѣ смертной прикоснуться,
Уста сухія приложить,
Чтобъ умереть — или проснуться,
Но такъ не жить! Но такъ не жить!

★

БОЯТСЯ

Щетинятся сталью, трясясь отъ страха,
Залѣзли за пушки, примкнули штыкъ.
Но бѣгаетъ глазъ подъ сѣрой папахой,
Изъ чернаго рта — истошный рыкъ...

Присѣлъ, но взгудѣлъ, отпрянулъ кошкой...
А любо! густа темь на дворѣ!
Скользнули пальцы, ища застёжку,
По смуглымъ пятнамъ на кобурѣ...

Револьверъ, пушка, ручная граната-ль, —
Добру своему ты господинъ.
Иди, выходи-же, заячья падаль!
Вѣдь я безоруженъ! Я одинъ!

Да крѣпче винти, завинчивай гайки.
Нацѣлься... Жутко? Дрожитъ рука?
Мнѣ пуля — на мигъ... А тебѣ нагайки,
Тебѣ хлысты мои — на вѣка!

12 Января, 18 г., СПБ

ОПЯТЬ

Опять она? Безстыдно въ грязь
Колпакъ фригійскій сбросивъ,
Глядитъ, кривляясь и смѣясь,
И сразу обезносѣвъ.

Ты не узналъ? Конечно — я!
Не тѣ-же ль кровь и раны,
И пулеметная струя,
И бомбы съ моноплана?

Живу три года съ дуракомъ,
Цѣлуюсь ежечасно.
А вотъ, надула колпакомъ
И этой тряпкой красной!

Пиши миры свои — ты мой!
И чѣмъ миры похабнѣй —
Тѣмъ крѣпче связь твоя со мной
И цѣпи неослабнѣй.

Остра, безноса и вѣрна,
Я знаю человѣка...
Ура! Да здравствуетъ Война
Отнынѣ и до вѣка!

Февраль, 18 г., СПБ

ЕСЛИ

Если гаснетъ свѣтъ — я ничего не вижу.
Если человѣкъ звѣрь — я его ненавижу.
Если человѣкъ хуже звѣря — я его убиваю.
Если кончена моя Россія — я умираю.

Февраль, 18 г., СПБ

МОСТЫ

Говоритъ не буду о смерти,
безъ словъ все кругомъ — о смерти;
кто хочетъ и не хочетъ — вѣрьте,
  что живы мертвые...

Не отъ мертвыхъ — отступаю,
такъ надо — я отступаю,
такъ надо — я мосты взрываю,
  за мостами — не мертвые...

Перекрутились, дымясь, нити,
оборвались, кровавясь, нити,
за мостами остались — взгляните!
  живые — мертвѣе мертвыхъ...

Февраль, 18 г., СПБ

НА ПОЛѢ ЧЕСТИ

Памяти В. А. Р. Р.

О сдѣлай, Господи, скорбь нашу свѣтлою,
Далекой гнѣва, боли и мести,
А слезы — тихой росой предразсвѣтною
О немъ, убіенномъ на полѣ чести.

Свѣча-ль истаетъ, Тобой зажженная?
Прими земную, и какъ невѣстѣ
Открой поля Твои озаренныя
Душѣ убіеннаго на полѣ чести.

Февраль, 18 г., СПБ

ДВЕРЬ

Мы, умные, — безумны,
Мы, гордые, — больны,
Растлѣнной язвой чумной
Давно заражены.

Отъ боли мы безглазы,
А ненависть — какъ соль
И ѣстъ, и травитъ язвы,
Яритъ слѣпую боль.

О черный бичъ страданья!
О ненависти звѣрь!
Пройдемъ ли покаянья
Цѣлительную дверь?

Замки ея суровы
И створы тяжелы.
Желѣзные засовы,
Мѣдяные углы.

Дай силу не покинуть
Господь, пути Твои,
Дай силу отодвинуть
Тугія вереи!

Мартъ, 18 г., СПБ

КТО ОНЪ?

Проклятой памяти безвольникъ,
И не герой — и не злодѣй,
Пьеро, болтунъ, порочный школьникъ,
Провинціальный лицедѣй,

Упрямъ, по-женски своенравенъ,
Кокетливъ и правдиво-лживъ,
Не честолюбецъ — но тщеславенъ,
И невоспитанъ, и трусливъ...

Въ своей одеждѣ неопрятной
Развелъ онъ нечисть нашихъ дней,
Но о свободѣ незакатной
Звенѣлъ, чѣмъ далѣ, тѣмъ нѣжнѣй...

Когда распучившейся гади
Осточертѣла пѣснь Пьеро —
Онъ, своего спасенья ради,
Исчезъ, какъ легкое перо.

Ему сосновый скученъ шелестъ...
Какъ претерпѣть унылый часъ?
А здѣсь не скучно: гадья челюсть
Хрустя, дожевываетъ насъ.

Забвенья нѣтъ тому, что было.
Не смерть позорна — пусть умремъ...
Но увѣнчаетъ и могилу
Пьеро — дурацкимъ колпакомъ.

Мартъ, 18 г., СПБ

ИМЯ

Безумные годы совьются во прахъ,
Утонутъ въ забвеньи и дымѣ.
И только одно сохранится въ вѣкахъ
Святое и гордое имя.

Твое, возлюбившій до смерти, твое,
Страданьемъ и честью вѣнчанный.
Проколетъ, прорѣжетъ его остріе
Багровые наши туманы.

Отъ смрада клеветъ не угаснетъ огонь,
И лавръ на челѣ не увянетъ.
Георгій, Георгій! Гдѣ вѣрный твой конь?
Георгій Святой не обманетъ, —

Онъ близко! Вотъ хрустъ перепончатыхъ крылъ
И брюхо развезстое Змія...
Дрожи, чтобъ Святой и тебѣ не отмстилъ
Твои блудодѣйства, Россія!

Апрѣль, 18 г., СПБ

ГДѢ ОНЪ?

Близкому — далекому

Я знаю, что жизнь размѣрена,
и кругъ ввивается въ кругъ.
Но гдѣ онъ, опять потерянный,
опять далекій другъ?

Горя какимъ томленіемъ,
и судьбы чьи — верша,
стремитъ къ своимъ достиженіямъ
увѣренная душа?

Мнѣ милы ея огромности,
то срывъ — то всплескъ огня.
И всѣ ея сложныя темности,
прозрачныя для меня.

Я зналъ, какія извилины
лежатъ на его путяхъ.
Но конь не споткнется взмыленный —
поводья въ крѣпкихъ рукахъ.

Спокойно въ алыя дали я
гляжу — совершеній жду.
И что̀ бы ни было далѣе —
я вѣрю въ его Звѣзду!

Апрѣль, 18 г., СПБ

ЖЕЛТОЕ ОКНО

Иди сюда, взгляни-ка
Сквозь желтое стекло.
Взгляни, какъ небо дико,
Подземно и свѣтло.

Клубясь, ползетъ червивый
И дымный ворохъ тучъ.
Мертво рудѣютъ ивы
Надъ жолтью жаркихъ кручъ.

Ручей по дну оврага —
Какъ черное вино.
Какъ жженая бумага —
Трава въ мое окно.

Безсмысленно-кровавы
Тѣла апрѣльскихъ рощъ.
Накрапываетъ ржавый,
Сухой и горькій дождь.

И всюду эти стекла
Проклятаго окна.
Земля моя поблекла,
Земля опалена!

Апрѣль, 18 г.

ШЕЛЪ...

Бѣлому и Блоку

I

По торцамъ оледенѣлымъ,
  Въ майскій утренній морозъ,
Шелъ, блестя хитономъ бѣлымъ,
  Опечаленный Христосъ.

Онъ смотрѣлъ вдоль улицъ длинныхъ,
  Въ стекла запертыхъ дверей.
Онъ искалъ своихъ невинныхъ
  Потерявшихся дѣтей.

Всѣ — потерянныя дѣти, —
  Гнѣвомъ Отчимъ дышатъ дни, —
Но вотъ эти, но вотъ эти,
  Эти двое — гдѣ они?

Кто сиротъ похитилъ малыхъ,
  Кто ихъ держитъ взаперти?
Я ихъ знаю, Ты мнѣ далъ ихъ,
  Если отнялъ — возврати...

Покрывало въ вѣтрѣ билось,
  Божьи волосы крутя...
Не хочу, чтобъ заблудилось
  Неразумное дитя...

Въ покрывалѣ вѣтеръ свищетъ,
  Гонитъ съ сѣвера морозъ...

Никогда ихъ не отыщетъ,
  Двухъ потерянныхъ — Христосъ.

Май, 18 г., СПБ

ШЕЛЪ

II

Всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ

По камнямъ ночной столицы,
Провозвѣстникъ Божьихъ грозъ,
Шелъ, сверкая багряницей
Негодующій Христосъ.

Теменъ ликъ Его суровый,
Очи гнѣвныя свѣтлы.
На веревкѣ, на пеньковой,
Тугосвитые узлы.

Волочатся, пыль цѣлуютъ
Зміевидные концы...
Онъ придетъ, Онъ не минуетъ,
Въ ваши храмы и дворцы,

Къ вамъ, убійцы, изувѣры,
Расточители, скопцы,
Торгаши и лицемѣры,
Фарисеи и слѣпцы!

Вотъ, на праздникѣ нечистомъ
Онъ застигнетъ палачей,
И вопьются въ нихъ со свистомъ
Жала тонкія бичей.

Хлещутъ, мечутъ, рвутъ и рѣжутъ,
Опрокинуты столы...
Будетъ вой и будетъ скрежетъ —
Злы пеньковые узлы!

Тише городъ. Ночь безмолвнѣй.
Даль притайная пуста.
Но сверкаетъ ярче молній
Ликъ идущаго Христа.

Май, 18 г., СПБ

А. БЛОКУ

Дитя, потерянное всѣми..

Все это было, кажется въ послѣднiй,
  Въ послѣднiй вечеръ, въ вешнiй часъ...
И плакала безумная въ передней,
  О чемъ-то умоляя насъ.

Потомъ сидѣли мы подъ лампой блеклой,
  Что золотила тонкiй дымъ,
А позднiя распахнутыя стекла
  Отсвѣчивали голубымъ.

Ты, выйдя, задержался у рѣшетки,
  Я говорилъ съ тобою изъ окна.
И вѣтви юныя чертились четко
  На небѣ — зеленѣй вина.

Прямая улица была пустынна,
  И ты ушелъ — въ нее, туда...
— — — — — — — — — — — — —
Я не прощу. Душа твоя невинна.
  Я не прощу ей — никогда.

Апрѣль, 18 г., СПБ

НАПРАСНО

Всю душу не тебѣ-ли я
Несу — но тщетно:
Какъ тихая Корделія
Ты неотвѣтна.

Заря надъ садомъ красная,
Но садъ вечеренъ.
И можетъ быть напрасно я
Тебѣ такъ вѣренъ.

18 г., СПБ

ЕСТЬ РѢЧИ...

У каждаго свои волшебныя слова.
Они какъ будто ничего не значатъ,
Но вспомнятся, скользнутъ, мелькнутъ едва,—
И сердце засмѣется и заплачетъ.

Я повторять ихъ не люблю; я берегу
Ихъ отъ себя, нарочно забывая.
Они мнѣ встрѣтятся на новомъ берегу:
Они написаны на двери Рая.

Іюнь, 18 г., СПБ

СВѢЧА НЕНАВИСТИ

Рабы, лгуны, убійцы, тати-ли —
Мнѣ ненавистенъ всякій грѣхъ.
Но васъ, Іуды, васъ, предатели,
Я ненавижу больше всѣхъ.

Со страстью жду, когда извѣдаю
Побѣдный часъ, чтобъ отомстить,
Чтобъ вслѣдъ за мщеньемъ и побѣдою
Я могъ поверженнымъ — простить.

Но есть предатели невинные:
Странна къ нимъ ненависть моя...
Ее и дни, и годы длинные
Въ душѣ храню ревниво я.

Ревниво теплю безотвѣтную
Неугасимую свѣчу.
И эту ненависть завѣтную
Люблю ... но мести не хочу.

Пусть къ черной двери искупленія
Слѣпцы-предатели идутъ...
Что значу я? Не мнѣ отмщеніе,
Не мой надъ ними будетъ судъ,

Мнѣ только волею Господнею
Дано у двери сторожить,
Чтобъ имъ ступени въ преисподнюю
Моей свѣчею освѣтить.

Іюнь, 18 г.

МОЖЕТЪ БЫТЬ...

Скоро измѣнятся жизни цвѣты,
я отойду ото всѣхъ, кто милъ,
буду иные искать отвѣты,
  если здѣшніе отлюбилъ.

И не будетъ паденій въ бездны:
просто сойду со ступень крыльца,
просто совьется свитокъ звѣздный,
  если дочитанъ — до конца.

Іюнь, 18 г., СПБ

НЕ БЫВАЕТЪ

Нѣтъ, не бываетъ, не бываетъ,
Не будетъ, не было и нѣтъ.
Зачѣмъ насъ этотъ сонъ смущаетъ,
На безотвѣтное отвѣтъ?

Онъ до сихъ поръ кому-то снится
И до сихъ поръ нельзя забыть...
Онъ никогда не воплотится:
Здѣсь — ничего не можетъ быть.

Августъ, 18 г., СПБ

ЗА КОПЬЯМИ

Горятъ за копьями ограды,
Въ жестокой тайнѣ сочетаній,
Неугасимыя лампады
Моихъ сверкающихъ мечтаній.

Кто ни придетъ къ оградѣ, — другъ-ли,
Иль врагъ, — войти въ нее не смѣя,
Лампады меркнутъ, точно угли,
Во тьмѣ дыша и ало рдѣя.

Не знать огней моихъ лампадныхъ
Тому, кого страшатъ потери.
Остры концы мечей оградныхъ,
И нѣтъ въ оградѣ этой — двери.

Сверкайте, радужныя цѣпи
Моихъ лампадъ, моихъ мечтаній,
Въ безплодности великолѣпій,
Въ ненужности очарованій.

Августъ, 18 г., СПБ

ЧАСЪ ПОБѢДЫ

…„Онъ ушелъ, но онъ опять вернется.
„Онъ ушелъ и не открылъ лица…
„Что мнѣ дѣлать, если онъ вернется?
„Не могу я разорвать кольца…"
„Въ черту" (1906 г.)

Онъ опять пришелъ — глядитъ презрительно
(Кто — не знаю, просто Онъ, въ плащѣ)
И смѣется: „это утомительно,
Надо кончить — силою вещей.

„Я усталъ слѣдить за жалкой битвою,
А мои минуты на счету.
Цѣлы, не разорваны круги твои,
Ни одинъ не вытянутъ въ черту.

„Иль душа доселѣ не отгрезила?
Я мечтаній долгихъ не люблю.
Кольца очугуню, ожелѣзю я
И надежно скрѣпы заклеплю."

Снялъ перчатки онъ съ улыбкой гадкою
И схватился за концы кольца…
Но его же черною перчаткою
Я въ лицо ударилъ пришлеца.

Нѣтъ! Лишь кровью можетъ быть запаяно
И распаяно мое кольцо!...
Плащъ упалъ, отвѣянный нечаянно,
Обнажая мертвое лицо.

Я взглянулъ въ глаза его знакомые,
Я взглянулъ... И сникъ онъ въ пустоту.
Въ этотъ часъ побѣдное кольцо мое
Въ огненную выгнулось черту.

Сентябрь, 18 г., СПБ

КАКЪ ПРЕЖДЕ

Твоя печальная звѣзда
Недолго радостью была мнѣ:
Чуть просверкнула, — и туда,
На землю, — пала темнымъ камнемъ.

Твоя печальная душа
Любить улыбку не посмѣла,
И отъ меня уйти спѣша,
Покровы черные надѣла.

Но я навѣкъ съ твоей судьбой
Связалъ мою — въ одной надеждѣ.
Гдѣ-бъ ни была ты — я съ тобой,
И я люблю тебя, какъ прежде.

Сентябрь, 18 г., СПБ

ДНИ

Всѣ дни изломаны, какъ преступленіемъ,
Сѣдого Времени заржавѣлъ ходъ.
И тѣло сковано оцѣпенѣніемъ,
И сердце сдавлено, и кровь — какъ ледъ.

Но знаю молніи: все измѣняется...
Во снѣ пророческомъ иль на яву?
Копье Архангела меня касается
Ожогомъ пламеннымъ — и я живу.

Пусть на мгновеніе, — на полмгновенія,
Однимъ касаніемъ растопленъ ледъ...
Я вѣрю въ счастіе освобожденія,
Въ Любовь, прощеніе, въ огонь — въ полетъ!

Ноябрь, 18 г., СПБ

ТЯЖЕЛЫЙ СНѢГЪ

В. А. Злобину

Звѣзда субботняя лампады,
За окнами — тяжелый снѣгъ,
Пространствъ пустынныя преграды,
Ночныхъ мгновеній четкій бѣгъ...

Вотъ 3 удара, словно пѣнье
Далекое — колоколовъ...
И я, чтобъ задержать мгновенья,
Ихъ сковываю цѣпью словъ.

Ноябрь, 18 г., СПБ

14 ДЕКАБРЯ 18 г.

Насъ больше нѣтъ. Мы все забыли,
Взвихрясь въ невиданной игрѣ.
Чуть вспоминаемъ, какъ вы стыли
Въ карре, въ далекомъ декабрѣ.

И какъ гремящій Звѣрь желѣзный
Васъ побѣдивъ — не побѣдилъ...
Его ужъ нѣтъ — но звѣрь изъ бездны
Покрылъ насъ нынѣ смрадомъ крылъ.

Нашъ конь домчался, бездороженъ,
Безузденъ, яръ, — куда? куда?
И вотъ, исхлестанъ и стреноженъ,
Послѣдняго онъ ждетъ суда.

Завѣтовъ тайныхъ Муравьева
Свились напрасные листы...
Напрасно, Пестель, вождь суровый,
Въ узлѣ пеньковомъ умеръ ты,

Напрасно все: душа ослѣпла,
Мы преданы червю и тлѣ,
И не осталось даже пепла
Отъ „Русской Правды“ на землѣ.

Декабрь, 18 г., СПБ

ЗНАЙТЕ!

Она не погибнетъ, — знайте!
Она не погибнетъ, Россія.
Они всколосятся, — вѣрьте!
Поля ея золотыя.

И мы не погибнемъ, — вѣрьте!
Но что̀ намъ наше спасенье?
Россія спасется, — знайте!
И близко ея воскресенье.

Декабрь, 18 г., СПБ

ТИШЬ

На улицахъ бѣлая тишь.
Я не слышу своего сердца.
Сердце, отчего ты молчишь?
Такая тихая, такая тихая тишь...

Городъ снѣжный, бѣлый — воскресни!
Луна — окровавленный щитъ.
Грядущее все неизвѣстнѣй...
Сердце мое, воскресни! воскресни!

Воскресеніе — не для всѣхъ.
Тихій снѣгъ тихъ, какъ мертвый.
Надъ городомъ распростерся грѣхъ.
Тихо плачу я, плачу — обо всѣхъ.

Декабрь, 18 г., СПБ

КАЧАНІЕ

Все Я мое, какъ маятникъ, качается,
и длиненъ, длиненъ размахъ.
Качается, скользитъ, перемежается —
то надежда — то страхъ.

Отъ знанія, незнанія, мерцанія,
умираетъ моя плоть.
Безумнаго качанія страданіе
ты-ль осудишь, Господь?

Прерви его, и зыбкое мученіе
останови! останови!
Но только не на ужасѣ паденія,
а на взлетѣ — на Любви!

Февраль, 19 г., СПБ

ТЩЕТА

Я шелъ по стылому, сѣдому льду.
Мой каждый шагъ — ожоги и порѣзы.
Искалъ тебя — и зналъ, что не найду,
Какъ синтезъ не найду безъ антитезы.

Смотрѣло маленькое солнце зло
(Для солнца нѣтъ ни бывшихъ ни грядущихъ) —
На хрупкое и скользкое стекло,
На лица синія мимоидущихъ.

Когда нибудь и ты меня искать
Пойдешь по той-же рѣжущей дорогѣ.
И то-же солнце будетъ озарять
Твою тщету и раненыя ноги.

Мартъ, 19 г., СПБ

ПОКА

Я ненавижу здѣшнее „пока“:
Съ концами все, и радости, и горе.
Вѣдь какъ бы ни была длинна рѣка —
Она кончается, впадая въ море.

Противны мнѣ равно земля и твердь,
И добродѣтель, и безчеловѣчность;
Одну тебя я принимаю, Смерть:
Въ тебѣ единой не пока — но вѣчность.

Апрѣль, 19 г., СПБ

СЪ ВАРЕВОМЪ

Двѣ дѣвочки съ крошечными головками,
ужасно похожія другъ на дружку,
тащили лапками, цѣпкими и ловкими,
уёмистую, какъ боченокъ, кружку.

Мнѣ дѣвчонки показались занятными,
заглянулъ я въ кружку мимо воли:
супъ, — съ большими сальными пятнами,
а на вкусъ — тепловатый и безъ соли.

Захихикали, мигнули: „не нравится?
да онъ изъ лучшаго кошачьяго сала!
нашъ супецъ — интернаціонально славится;
а если тошнитъ, — такъ это сначала...“

Я отъ скуки разболтался съ дѣвчонками;
ихъ личики непрерывно линяли,
но голосами монотонно-звонкими
онѣ мнѣ все о себѣ разсказали:

„Личики у насъ, правда, незамѣтныя,
мы сестрицы, и мы — двойняшки;
мамашъ у насъ количества несмѣтныя,
и всѣ мужчины наши папашки.

„Я — Счастіе, а она — Упокоеніе,
такъ зовутъ насъ лучшіе поэты...
Совсѣмъ напрасно твое удивленіе:
или ты, глупый, не вѣришь въ это?“

Такой отъ дѣвчонокъ не ждалъ напасти я,
смѣюсь: однако, вы осмѣлѣли!
Ужъ не супъ-ли безъ-соли — эмблема счастія?
Нѣтъ, какъ зовутъ васъ на самомъ дѣлѣ?

Хохотокъ ихъ песочкомъ сѣется...
„Какъ зовутъ? Сказать ему, сестрица?
Да Привычкой и Отвычкой, разумѣется!
нашихъ именъ намъ нечего стыдиться.

„Мы и не стыдимся ихъ ни крошечки,
а надъ варевомъ смѣяться — глупо;
мы, Привычка и Отвычка, — кошечки...
Подожди, запросишь нашего супа...“

Апрѣль, 19 г., СПБ

ЛѢТОМЪ

> О, эти наши дни послѣдніе,
> Обрывки неподвижныхъ дней!
> И только небо въ полночь мѣднѣе
> Да зори голыя длиннѣй...

Хочу сказать... Но нѣту голоса.
На мнѣ почти и тѣла нѣтъ.
Тугимъ узломъ связались полосы
Часовъ и дней, недѣль и лѣтъ.

Какою силой онедвижена
Рѣка земного бытія?
Чьимъ преступленьемъ такъ унижена
Душа свободная моя?

Какъ выносить невыносимое?
Чѣмъ искупить кровавый грѣхъ,
Чтобъ сократились эти дни мои,
Чтобъ Онъ простилъ меня — и всѣхъ?

Іюль, 19 г., СПБ

ОСЕНЬЮ

(сгонъ на революцію)

На баррикады! На баррикады!
Сгоняй изъ дальнихъ, изъ ближнихъ мѣстъ...
Замкни облавой, сгруди, какъ стадо,
Кто удираетъ — тому арестъ.
Строжайшій отданъ приказъ народу,
Такой, чтобъ пикнуть никто не смѣлъ.
Всѣ за лопаты! Всѣ за свободу!
А кто упрется — тому разстрѣлъ.
И всѣ: старуха, дитя, рабочій —
Чтобъ пѣли Интер-націоналъ.
Чтобъ пѣли, роя, а кто не хочетъ
И роетъ молча — того въ каналъ!
Нѣтъ революцій краснѣе нашей:
На фронтъ — иль къ стѣнкѣ, одно изъ двухъ.
...Поддай имъ сзаду! Клади имъ взашей,
Вгоняй полѣномъ мятежный духъ!

На баррикады! На баррикады!
Впередъ, за „Правду", за вольный трудъ!
Коломъ, веревкой, въ штыки, въ приклады...
Не понимаютъ? Небось, поймутъ!

25 Октября, 19 г., СПБ

НОЧЬ

...Не разсвѣтаетъ, не разсвѣтаетъ...
На брюхѣ плоскомъ она ползетъ.
И все длиннѣетъ, все распухаетъ...
Не разсвѣтаетъ! Не разсвѣтетъ.

Декабрь, 19 г., СПБ

ПѢСНЯ БЕЗЪ СЛОВЪ

Какъ ясенъ знакъ проклятый
Надъ этими безумными!
Но только въ часъ расплаты
Не будемъ слишкомъ шумными.

Не надо къ мести зововъ
И криковъ ликованія:
Веревку уготовавъ —
Повѣсимъ ихъ въ молчаніи.

Декабрь, 19 г., СПБ

ТАМЪ И ЗДѢСЬ

ТАМЪ И ЗДѢСЬ

Тамъ — я люблю иль ненавижу, —
Но понимаю всѣхъ равно:
И лгущихъ,
И обманутыхъ,
И петлю вьющихъ,
И петлей стянутыхъ...
А здѣсь — я никого не вижу.
Мнѣ всѣ равны. И все равно.

Январь, 20 г., Бобруйскъ

ВИДѢНІЕ

(Этюдъ на „анте“)

На Смольномъ новенькіе банты
изъ алыхъ заграничныхъ лентъ.
Закутили красноармейскіе франты,
близится великій моментъ.
Жадно комиссарскія аманты
мечтаютъ о журналѣ модъ.
Улыбаются спекулянты,
до ушей разѣвая ротъ.
Эр-Эс-Эф-ка — изъ адаманта,
побѣдилъ пролетарскій гнѣвъ!
Взбодрились оба гиганта,
Ульяновъ и Бронштейнъ Левъ.
Завели крѣпостные куранты,
(кто услышитъ ночной разстрѣлъ?)
разработали всѣ пуанты
европейскихъ революціонныхъ дѣлъ.
Въ цѣнѣ упали брилліанты,
появился швейцарскій сыръ...
. . . .
Что случилось? А это Антанта
съ большевиками заключаетъ миръ.

Январь, 20 г., Минскъ

ОТТУДА?

Д. П. С.

Она никогда не знала,
какъ я любилъ ее,
какъ эта любовь пронзала
все бытіе мое.

Любилъ ея бѣдное платье,
волосъ ея каждую прядь...
Но еслибъ и могъ сказать я —
она-бъ не могла понять.

И были слова далеки...
И такъ — до послѣдняго дня,
когда въ мой путь одинокій
она проводила меня...

Ни жалобъ во мнѣ, ни укора...
Мнѣ каждая мелочь близка,
надъ каждой я плачу, которой
касалась ея рука...

Не знала — и не узнаетъ,
какъ я любилъ ее,
какимъ остріемъ пронзаетъ
любовь — бытіе мое.

И, можетъ быть, лишь оттуда, —
если она ужъ тамъ, —
пойметъ любви моей чудо
она по этимъ слезамъ...

Май, 20 г., Варшава

ГЛАЗА ИЗЪ ТЬМЫ

О эти сны! О эти пробужденія!
Опять не то-ль,
Что было въ дни позорнаго плѣненія,
Не та-ли боль?

Не та, не та! Стремитъ еще стремительнѣй
Лавина дней,
И боль еще тупѣе и мучительнѣй,
Еще стыднѣй.

Мелькаютъ дни подъ сѣрыми покровами,
А ночь длинна.
И вся струится длительными зовами
Изъ тьмы, — со дна...

Глаза изъ тьмы, глаза навѣки милые,
Неслышный стонъ...
Какъ мышь ночная, злая, острокрылая
Мой каждый сонъ.

Кому страданіе нести безслезное
Моихъ ночей?
Таитъ отвѣтъ молчаніе угрозное,
Но чей? Но чей?

Августъ, 20 г., Варшава

РОДНОЕ

Т. И. М.

Есть цѣломудріе страданья,
И цѣломудріе любви.
Пускай грѣшны мои молчанья —
Я этотъ грѣхъ ношу въ крови.

Не назову родное имя,
Любовь безмолвная свята.
И чѣмъ тоска неутолимѣй,
Тѣмъ молчаливѣе уста.

Декабрь, 20 г., Парижъ

КЛЮЧЪ

Струись,
Струись,
Холодный ключъ осенній.
Молись,
Молись,
И вѣруй неизмѣннѣй.

Молись,
Молись,
Молитвой неугодной.
Струись,
Струись,
Осенній ключъ холодный...

Сентябрь, 21 г., Висбаденъ

БУДЕТЪ

И. И. Манухину

Ничто не сбывается.
А я вѣрю.
Вездѣ разрушеніе,
А я надѣюсь.
Всѣ обманываютъ,
А я люблю.
Кругомъ несчастіе,
Но радость будетъ.
Близкая радость,
Нездѣшняя — здѣсь.

1922 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

I. У ПОРОГА

II. ВОЙНА

III. РЕВОЛЮЦІЯ

✝

ТАМЪ И ЗДѢСЬ

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

СТИХОТВОРЕНІЯ

ТОМЪ I

Ante lucem — Стихи о прекрасной дамѣ — Распутья

ТОМЪ II

Вступленіе — Пузыри земли — Ночная фіалка — Разныя стихотворенія — Городъ — Снѣжная маска — Фаина — Вольныя мысли

ТОМЪ III

Страшный міръ — Возмездіе — Ямбы — Итальянскіе стихи — Разныя стихотворенія — Арфы и скрипки — Карменъ — Соловьиный садъ — Родина — О чемъ поетъ вѣтеръ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО» · БЕРЛИНЪ

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ИЗЪ МІРОВОЙ ПОЭЗІИ

Стихотворенія

★

Н. РЕРИХЪ

ЦВѢТЫ МОРІИ

Стихотворенія

★

И. А. БУНИНЪ

КРИКЪ

Разсказы

★

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА ЗМѢЙ

Романъ

★

АНАТОЛЬ ФРАНСЪ

ПЕТРУША

Романъ

★

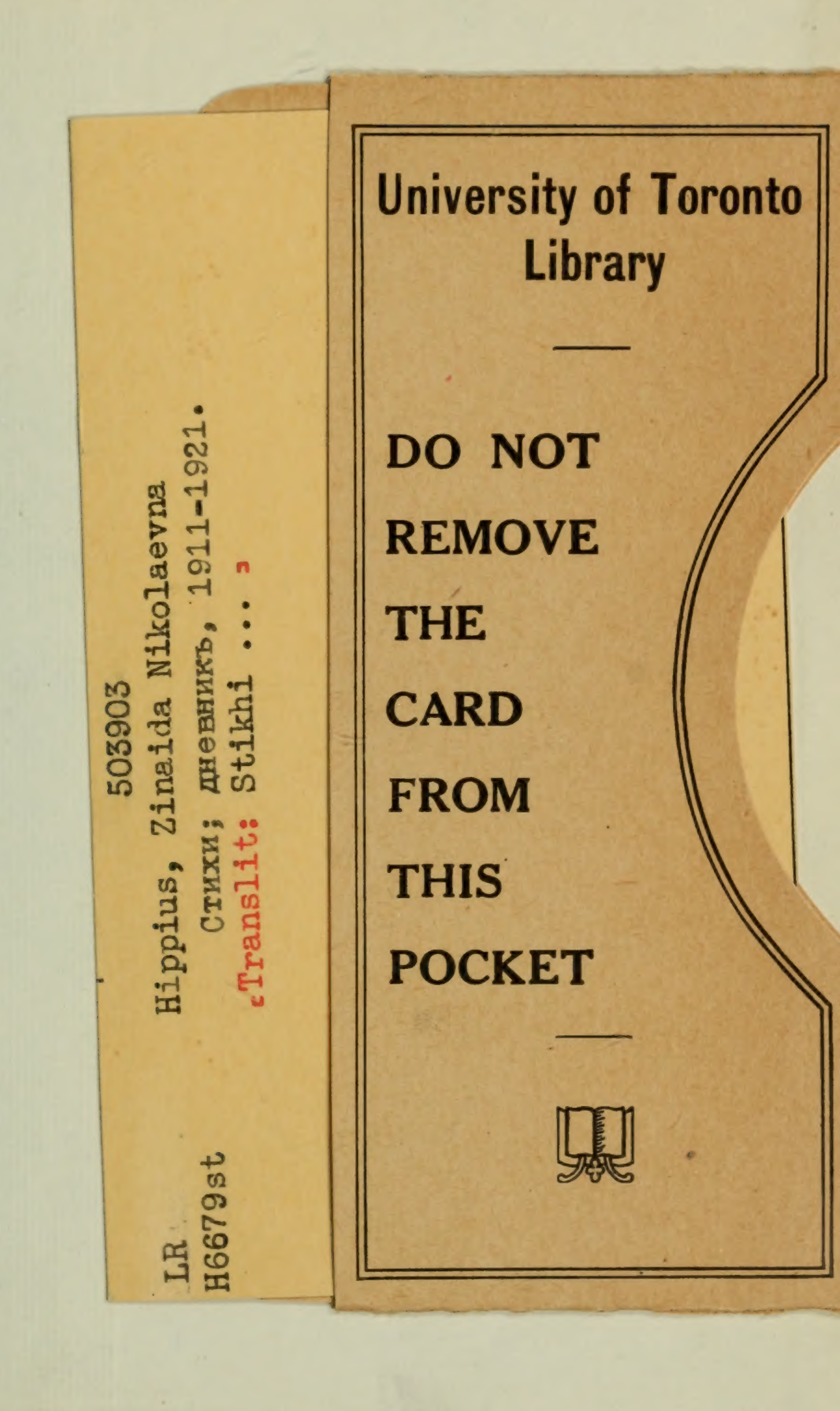
СОБАЧЬЯ ДОЛЯ

Сборникъ разсказовъ

А. Ремизова, Б. Замятина и др.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО» · БЕРЛИНЪ

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», БЕРЛИНЪ

LR
H6679st
503903
Hippius, Zinaida Nikolaevna
Стихи; дневникъ, 1911-1921.
«Translit: Stikhi ... »
University of Toronto Library
DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

